

НА ПУТИ К НЕФТЕГАЗОДОБЫВАЮЩЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ (опыт историко-географической реконструкции)

М.Г. Ганопольский*, Р.Ю. Федоров**

Становление Тюменской области в качестве объекта нефтегазодобывающей цивилизации представлено как результат не только нового индустриального освоения, но и предшествовавших ему цивилизационных волн: соледобычи, пушного промысла, горнозаводской промышленности. В основе предложенного подхода лежит ретроспективный анализ организационно-производственных форм колонизации и соответствующих структур расселения, образующих цивилизационный ландшафт.

Освоение Урала и Сибири, соледобыча, пушной промысел, горнозаводская цивилизация, маршруты колонизации, опорный каркас расселения, цивилизационный ландшафт.

Индустриальное наступление на слабозаселенные территории к северу от Транссиба, от начала которого нас отделяет немногим более полувека, явилось не только мощным фактором развития производительных сил, оно преобразило ландшафт этих мест, привело к формированию крупных поселенческих образований, создало особую духовную ситуацию. В наиболее концентрированном виде это проявилось при интенсивном промышленном освоении Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции, почти полностью уместившейся в границах Тюменской области. Здесь за короткий по историческим меркам срок сформировался уникальный цивилизационный комплекс, ориентированный преимущественно на добычу и транспорт нефти и газа. Для него характерны: преобладание добывающей промышленности с ее привязкой к конкретному месту, утилитарное отношение к природному ландшафту, проявившееся в тотальности объекта деятельности, многослойный индустриальный характер нефтегазового комплекса, прописанного в геолого-географических координатах единого объекта, особая практика проектирования и сооружения нефтегазопромысловых предприятий и др.

Не менее важен и тот добровольный массовый порыв, который привел на некогда безлюдные земли не энтузиастов-одиночек, а сотни тысяч людей. Здесь они становятся агентами огромного индустриального конвейера. По образу и подобию производственных технологий создается система отбора и первоначальной адаптации мигрантов. Технологические цепочки производства и соответствующие им способы организации труда распространяются на остальные сферы жизнедеятельности. Даже место жительства — это, как правило, ведомственный поселок с проецируемой на него производственной иерархией. Такое единство человека и технологии, обоюдно укорененных как в природной, так и в социальной среде нефтегазового комплекса, позволяет рассматривать Тюменскую область в качестве объекта *нефтегазодобывающей цивилизации*.

Подобное рассмотрение не является ни преувеличением, ни претензией на авторскую новацию. В данном случае скорее уместна аналогия с горнозаводской цивилизацией Урала. Еще в 1926 г. видный этнограф и краевед, профессор Пермского университета П.С. Богословский опубликовал статью, в которой впервые назвал горнозаводской цивилизацией сформировавшуюся в XVIII–XIX вв. на Урале систему производства-расселения, состоящую из 260 городов-заводов [Баньковский, 2004, с. 20]. Вводя это понятие скорее как метафору, автор, тем не менее, дает ему контекстное определение. Он показывает, что речь идет не просто об экономическом районе, а о самобытном социально-территориальном комплексе, обладающем уникальными особенностями материальной культуры и духовной жизни.

В последнее время понятие горнозаводской цивилизации получило преимущественно публицистическое звучание, но это не снижает его научной значимости. Мы же видим свою задачу в том, чтобы, опираясь на данный пример, показать, что, каким бы масштабным и внушительным ни выглядело здание нефтегазодобывающей цивилизации, возникло оно не на пустом месте. В фундаменте этого здания — промышленный опыт горных заводов Урала, соединенный со всем строем их жизни. Но не только он, поскольку это важный, но не единственный эпизод в череде колонизационных волн, заложивших основы цивилизационного ландшафта Урала

На пути к нефтегазодобывающей цивилизации (опыт историко-географической реконструкции)

и Западной Сибири и оставивших свой след на территории современной Тюменской области. Конспективно рассмотрим эти эпизоды в исторической последовательности.

Соледобывающая цивилизация. Разработка месторождений соли, несомненно, стала одним из импульсов продвижения России на Север и Восток. Вначале этим занимались отдельные мелкие промышленники. В дальнейшем лидирующее положение приобрела династия солепромышленников Строгановых. С их деятельностью связано развитие Сольвычегодска, которому в XVI–XVII вв. принадлежало ключевое место в промышленной добыче соли и солеварении. В 1558 г. Строгановы получили царскую грамоту на владение приуральскими и прикамскими землями, а в 1564 г. основали поселение Кергедан, получившее затем название Орел-городок (именно отсюда на покорение Сибирского ханства отправился отряд Ермака, охранявший соляные вотчины Строгановых). В 1606 г. рядом с ним был создан важный центр солеварения — Усолье. Другим, еще более старым и крупным центром в Северном Прикамье являлся г. Соликамск, основанный в XV в. промышленниками Калиниковыми. Здесь начиналась знаменитая Бабиновская дорога, построенная в 1597 г.

Выбор места для строительства этих городов вблизи месторождений, необходимость производственно-организационных связей и путей сообщения между ними предопределили кустовой характер расселения (рис. 1).

Рис. 1. Кустовая структура расселения в районах соледобычи Северного Прикамья

Правда, не всегда выбор места был удачен с точки зрения природно-климатических условий. Известна борьба Строгановых с паводками и затоплениями Сольвычегодска. Аналогичные сложности возникали и в Орел-городке. Но борьба со стихией только укрепляла людей в стремлении утвердить на этих землях промышленные формы хозяйствования. Тем самым соледобывающая промышленность отчасти вопреки природе, но в основном естественным образом способствовала заселению и обживанию новых территорий, становилась оплотом государственности, подготавливала форпосты для будущего освоения Сибири. В сочетании производительных способов деятельности с естественными формами укоренения людей и состоит ее цивилизационный потенциал.

Несмотря на периферийное положение многие города — центры соледобычи стали важными культурными центрами. В XVI–XVII вв. соль была прибыльным и стратегически значимым товаром. Весомая часть доходов солепромышленников нередко шла на поддержку прикладных художественных промыслов, строительство храмовых и гражданских сооружений, являвших собой выдающиеся образцы зодчества (*строгановский стиль* в архитектуре и в иконописи и др.).

В дальнейшем судьба этих городов сложилась по-разному. На протяжении XVIII–XIX столетий их экономическое значение стало уменьшаться. Отчасти это было связано с введением Петром I в 1705 г. государственной соляной монополии, ограничивавшей деятельность частных промышленников, но в основном с открытием ряда новых месторождений, расположенных значительно южнее. Благодаря этому валовая добыча существенно возросла, и соль стала более доступным и менее прибыльным товаром. А поскольку себестоимость ее добычи на южных месторождениях была намного ниже, это сразу же отразилось на характере жизни большинства соледобывающих городов Русского Севера. Добыча в них стала падать, а затем и вовсе прекратилась. В городах почти не осталось промышленных предприятий. Только мелкое кустарное производство продолжало обслуживать потребности населения, численность которого год от года уменьшалась. Города не исчезли, но оказались словно законсервированными на целое столетие. Расположенные вдали от крупных промышленных центров Сольвычегодск, Солигалич, Тотьма с их архаичной социокультурной средой и сегодня продолжают существовать в качестве своеобразных заповедников, сохраняющих ценности эпохи своего расцвета. Поэтому вполне естественно стремление развивать их как зону лечения, отдыха, туризма. Воду оз. Со-

ленное, находящегося в черте Сольвычегодска, использует в лечебных целях местный бальнеологический курорт. Величественные храмы и усадьбы, построенные по заказам Строгановых и других богатых промышленников, превращены в архитектурные памятники и музеи.

Несколько иначе сложилась судьба куста соледобывающих городов Северного Прикамья. В конце XVII — начале XVIII в. они, говоря современным языком, перепрофилировались, стали важным плацдармом формирования горнозаводской цивилизации. Однако затем утратили и эту роль, уступив ее Перми и Екатеринбургу. В начале XX столетия произошел в некотором смысле «солевой ренессанс» данного района. Здесь были разведаны большие запасы калийных солей, в которых нуждались промышленность и сельское хозяйство страны. Это придало определенный импульс промышленному развитию района, оживило хозяйственную жизнь, торговлю. Оказалось востребованным и богатое культурное наследие Соликамска, Усоляя, Чердыни. Его стали рассматривать как ресурс, имеющий высокую потребительскую ценность. В последнее время, будучи центрами культурно-познавательного туризма и историко-краеведческих исследований, эти города в большей степени известны своей музеефицированной историей, нежели современной повседневностью.

Пушная цивилизация. Пушнина стала своеобразным аттрактором, притягивающим к себе русских первопроходцев с первых шагов на сибирской земле. В XVI–XVIII вв. она была для Русского государства стратегически важным товаром. Большая ее часть поставлялась на экспорт, существенно пополняя казну. С добычей пушнины так или иначе связано возникновение большинства первых сибирских острогов. Конечно, основной их задачей было утверждение основ государственности на вновь присоединенных землях. Но осуществление военно-оборонительных функций, сбор ясачных повинностей с коренного населения органично сочетались с пушной охотой, поскольку это были два топологически близких вида «властвования» над территорией.

Освоение Сибири было маршрутно-каркасным. Роль узловых элементов выполняли остроги. Именно здесь были сформированы прообразы будущих институтов государственной власти, построены первые в Сибири храмы и монастыри, созданы очаги оседлой хозяйственной жизни. «Пушные» города стали опорными элементами Сибирского пути — важной торгово-промышленной магистрали, которую иногда называют «дорогой, создавшей Россию». В первом за Уралом городе этого маршрута — Верхотурье с 1600 по 1753 г. размещалась таможня, предназначенная для учета и обложения налогом всей вывозимой из Сибири пушнины. Из-за этого Бабиновская дорога до середины XVIII в. являлась единственным официально разрешенным путем в Сибирь.

Во второй половине XVIII в. роль пушнины как стратегического товара начинает стремительно падать. Отсутствие ограничений на охоту привело к резкому сокращению численности популяций промысловых животных. Некоторые их виды были на грани истребления. В этих условиях отечественная добыча пушнины не могла конкурировать с аналогичным промыслом, активно набравшим силу на Североамериканском континенте. (Примечательно, что там же на территории Русской Америки вплоть до середины XIX в. существовал пушной и зверобойный промысел русских охотников. Его можно отнести к последней волне пушной экспансии.)

В хозяйственной жизни Азиатской России сокращавшаяся добыча пушнины уступала место развитию промышленности, сельского хозяйства и кустарных ремесел. Поэтому города, расположенные в местах разветвления Сибирского пути (Тюмень, Томск, Иркутск, Якутск), в силу своего удачного географического положения были лучше подготовлены к такого рода модернизации. Те же, что оказались на периферии новых экономических районов, утратили былое административное и хозяйственное значение и на долгие годы превратились в естественные заповедники архаичной культуры и традиционного жизненного уклада (Верхотурье, Тобольск, Тара, Енисейск).

И все же пушная цивилизация не исчезла бесследно. Память о ней сохраняется в гербах многих «пушных» городов: соболь на гербе Верхотурья, бобр и лис — Тюмени, горностаи — Тары, бобр, держащий в пасти соболя, — Иркутска, песец — Туруханска, лисица — Салехарда и т.д. В некоторых городах — прежних центрах заготовки пушнины и по сей день существуют предприятия, специализирующиеся на разведении пушных зверей и изготовлении меховых изделий.

Конечно, этим значение пушной цивилизации не исчерпывается. Она стала не только средством упрочения экономического могущества страны, но и способом разведки и разметки территории Сибири. Пожалуй, единственным из возможных в тех условиях способом, адекватным

На пути к нефтегазодобывающей цивилизации (опыт историко-географической реконструкции)

огромному, слабозаселенному, неизведанному пространству. Будучи мощным стимулом продвижения русских первопроходцев на Север и Восток страны, она в то же время способствовала попутному аграрному освоению прилегающих земель, закреплению на них и тем самым — формированию первоначальной канвы расселения (рис. 2).

Рис. 2. Основные маршруты распространения пушной цивилизации

Горнозаводская цивилизация. К концу XVIII в. в России был сформирован один из первых довольно четко выраженных промышленных районов — Пермская губерния. Ее становление связано со строительством крупных горных заводов и возникавших вокруг них городов. К середине XIX в. на территории губернии насчитывалось уже 260 таких городов-заводов — едва ли не половина всех промышленных поселений России [Баньковский, 2004, с. 37]. Сооружению горных заводов предшествовал почти полуторавековой период крестьянской колонизации края. Основной рабочей силой первых уральских городов-заводов и стали по большей части насильственно приписанные к ним крестьяне из близлежащих деревень. Здесь происходила переплавка крестьянской общины в промышленное сообщество [Горнозаводские центры..., 2000].

В отличие от пушной, наметившей линейные маршруты простирания России, горнозаводская цивилизация способствовала формированию компактных локалитетов с довольно разветвленной структурой производства-расселения (рис. 3). Иной стала и поляризация социального пространства. Если в городах-острогах основными градообразующими элементами были кремль, монастырь, приказная изба, дом воеводы и т.д., то фокусами пространства новых городов Урала становились заводы и такие светские учреждения, как Берг-коллегия, Горная канцелярия. Их место в культурном ландшафте Екатеринбурга и Перми отвечало принципиально иной архитектурно-градостроительной схеме, первоначально апробированной в Санкт-Петербурге, а затем модифицированной применительно к местным условиям.

В XIX и XX вв. прослеживается определенная дивергенция в развитии горнозаводской цивилизации. Часть предприятий оказывается на подъеме. На рубеже веков в них активно идет техническое переоснащение, сопровождаемое социально-экономической модернизацией. Они органично воспринимают индустриальное обновление. Это характерно для заводов Перми, Нижнего Тагила, Екатеринбурга. Именно эти города стали форпостами последующих волн индустриализации Урала и Сибири: «капиталистической» конца XIX — начала XX в., социалистической 1930-х гг., развертывания эвакуированных промышленных предприятий в годы Великой Отечественной войны.

Но наряду с предприятиями (и городами, где они были расположены), находившимися в авангарде перерастания горнозаводской цивилизации в индустриальную, на той же территории существовал архипелаг старопромышленных районов, где сохранялись на уровне раритетных ремесел каслинское литье, изготовление златоустовского оружия, сысертских изделий из самоцветов. Они и сейчас продолжают существовать, причем не на обочине цивилизации, а как полноценный самобытный слой цивилизационного ландшафта современного Урала.

Рис. 3. Карта-схема Уральской горнозаводской цивилизации XVIII — первой половины XIX в. (по Л.В. Баньковскому и Р.М. Лотаревой)

Нефтегазодобывающая цивилизация. Освоение уникальных по запасам месторождений углеводородного сырья Тюменской области вызвало настоящую индустриальную экспансию огромных труднодоступных территорий, занимающих около процента мировой суши, привело к их массовому заселению.

Как известно, Тюменская область была образована незадолго до открытия подземных кладовых газа и нефти в результате очередной перекройки административно-территориальных границ. Основная ее часть была выделена из состава Омской области, а четыре южных района ранее входили в состав Курганской. По площади новая область оказалась самой большой в стране, но в экономическом и социальном отношении явно уступала своим соседям, казалась непригодной для жизни и хозяйственной деятельности. Территория, географическое пространство — вот главное богатство области и предмет ее гордости в ту пору.

На пути к нефтегазодобывающей цивилизации (опыт историко-географической реконструкции)

Последствия этой административной перекройки вряд ли ощущались основной частью жителей области, к которым могли бы относиться слова П.Я. Чаадаева: «мы лишь геологический продукт обширных пространств, куда забросила нас неведомая центробежная сила, лишь любопытная страница физической географии» [1991, с. 480]. Эти слова справедливы хотя бы потому, что именно геологам принадлежит честь открытия области в ее новом качестве. Реализуя схемы поиска и разведки углеводородного сырья, они разметили территорию, подготовили ее к дальнейшему послойному освоению. Но при этом они произвели еще одну «разметку».

Геологические партии, экспедиции — это одновременно и производственные коллективы, и «кочевые» поселенческие микробщности, а сами геологи в силу особенностей своей профессии — наиболее яркие представители безместного утопического сознания. Они не только задали региону первоначальный палаточный стандарт, окрашенный романтикой неустроенности, но и на старте процесса освоения предопределили субординацию организационных структур — подчинили структуру расселения задачам производства. Затем эту эстафету подхватили строители, для которых безместность собственной жизни подчинена новоместности Великой стройки. Нефтяники, газодобытчики в профессиональном отношении ориентированы на менее мобильную организацию, но и они последовали заданному стандарту. Таким образом, в основу жизни людей закладывались, с одной стороны, геологическая разметка территории, игнорировавшая схему административного подчинения ее фрагментов, а с другой — динамичные индустриальные ритмы жизнедеятельности, которые требовали адекватных способов и структур расселения. В итоге образовалась организационно-технологическая матрица будущего региона. Она и стала первичной формой сцепления популяции, основой будущего цивилизационного комплекса. По сути дела, происходило превращение области как административно-территориальной единицы в регион, понимаемый как единица пространства цивилизационного.

Для того чтобы это превращение состоялось, нужно было достичь баланса между производственным принципом организации труда и поселенческой топологией внепроизводственной сферы. Если в промышленных районах европейской части страны доминирование производственного принципа нейтрализовалось развитой поселенческой инфраструктурой (социальной, бытовой, культурной и т.д.), то в Тюменской области все происходило иначе. Монофакторная, а затем и корпоративно-ячеистая структура закладывались в формы расселения изначально, на первом этапе освоения. Такая практика вряд ли была способна сформировать не то что общность со всем спектром удовлетворения социальных потребностей, но даже целостную региональную популяцию. Радиальная привязка к инстанциям управления только усиливала разобщенность отдельных (ведомственных) фрагментов территории. Если и происходили в этих условиях общностные процессы, то лишь на уровне коллективов предприятий. А фирменно-отраслевой принцип распределения большинства социальных благ удерживал коллектив от других вариантов трансформации. Конечно, о полном превращении коллектива в «общину» говорить не приходилось. Но даже если гипотетически принять этот вариант развития, то он не стимулирует общностные процессы. Скорее наоборот — автономизация локальных коллективов препятствует формированию региональной общности. Тогда возникает вопрос: как возможна в этих условиях общностная интеграция? Постараемся ответить на него ретроспективно (в первом приближении) в двух аспектах: организационном, связанном со сменой организационных парадигм; и географическом, основанном на эволюции структуры расселения.

Период нового промышленного освоения 1960-х гг. был переходным с точки зрения роли властного типа организации. Его явное доминирование над производственной оргструктурой было в прошлом, а технологизация и децентрализация процесса еще не состоялись. Здесь необходимо небольшое пояснение. Из Великой Отечественной войны страна вышла вооруженной совершенно новым организационным опытом. Он укрепился в период послевоенного восстановления хозяйства и в какой-то степени предопределил последующую децентрализацию административно-территориального и экономического управления (в 1957 г. были существенно расширены права местных органов власти, а затем образованы совнархозы). И если в ряде экономических районов этот процесс тормозился из-за неразвитости периферийной (местной) организации производства, то в сибирских регионах все разворачивалось по иной схеме. Когда спустя несколько лет было восстановлено централизованное отраслевое управление, удельный вес периферийных производств в составе каждой из представленных здесь отраслей был настолько велик, что их формальная значимость сразу же приобрела союзный ранг и была близка к статусу экстерриториальности. В этом была опасность для центральных органов от-

расли и, конечно же, для параллельной системы административно-территориального деления и подчинения. Итогом их давнего соперничества стал компромиссный вариант: создание территориально-отраслевых управленческих структур при относительной сбалансированности тенденций ведомственности и местничества в их региональном проявлении. На уровне конечных звеньев отраслевых систем также стали возникать концентрические связи. При общей ориентации на постоянное заселение подобная сбалансированность стимулирует урбанизацию региона. И хотя вначале города складываются из отдельных ведомственных поселков, сливаясь в агломерацию, они превращаются в аванпосты будущей региональной общности. Безусловно, нечто подобное было и на предыдущих этапах индустриализации. Но тогда, как правило, либо город планировался в самом начале, либо поселок становился городом при естественном разрастании одного или нескольких градообразующих факторов.

Освоение было спроектировано, однако уровень проработки различных фрагментов проекта был неодинаков. Там, где дело касалось объектов производственного назначения, существовали утвержденные и практикуемые нормы, подыскивались аналоги, включалась интуиция проектантов. Там же, где речь шла о размещении людей, устройстве их быта, в проектах зачастую оставались белые пятна. Да и зачем было создавать детальный социальный проект, если на месте все как-то стихийно утрясалось. Конечно, без расчета численности персонала не обходилось, но графа *численность* — это, пожалуй, единственное место в проекте, где люди как-то упоминались. Вместе с тем не хотелось бы говорить ни о крупных просчетах в социальной политике, ни о пренебрежении судьбами людей. В те годы такой укрупненный проектный подход не считался пренебрежением. Это был очередной акт утопии, когда упрощенность и абстрактность схем действия рассчитывались на определенный состав исполнителей.

Именно в эти годы, а точнее, с конца 1960-х гг. в обиходный язык прочно входит слово *обустройство*. Раньше оно встречалось редко, считалось областным (сибирским), означало устройство нового места и «по совместительству» выполняло роль специального термина — *строительство на нефтяных и газовых месторождениях*. Теперь это был синоним устройства жизни, ее благоустройства. С началом освоения тюменских месторождений нефти и газа для всей страны в очередной раз началась жизнь на новом месте, и люди стали эту жизнь не столько благоустраивать, сколько *обустроить*. И когда в 1990 г. А.И. Солженицын накануне еще неотчетливой угрозы новых переселений опубликовал свои посильные соображения «Как нам обустроить Россию», меньше всего возражений вызвало слово *обустроить*.

Поэтому синтез индустрии и природной среды в данном месте и в данное время — это не просто очередное переселение, а переход «от странничества России, т.е. движения вширь, к обустройству, т.е. движению вглубь» [Согомонов, 1994, с. 61], знаменующий смену утопических парадигм: патриархальной — на индустриальную.

В соответствии с логикой индустриального освоения человек мог чувствовать себя на своем месте, будучи «обустроенным». Речь шла не только о месте жительства, но и обо всем комплексе минимального удовлетворения социальных потребностей. В качестве деривата производственной структуры стала оформляться социальная инфраструктура, включавшая жилищно-коммунальное хозяйство, службу быта, торговлю и общественное питание, здравоохранение и т.д. Понятно, что в обжитых районах она складывается естественно, постепенно, а поэтому неотделима от привычных условий жизни. В районах интенсивного промышленного освоения потребовалось специально ее проектировать.

В определении стратегии такого проектирования столкнулись два крайних подхода (они словно разрывали матрицу первоначального заселения по двум ее составляющим). Первый был нацелен на стационарный режим жизнедеятельности, долговременное пребывание человека в суровых климатических условиях. Второй предполагал десантный способ освоения с использованием нетрадиционных методов труда: вахтового, экспедиционного или же их комбинации.

В споре между сторонниками различных подходов было сломано немало копий, но не было победителей. Ни одна из стратегий не осуществилась в чистом виде. У стратегии освоения-обживания было много аргументов, чтобы стать господствующей. Но и вахтово-экспедиционный метод, в том числе в межрегиональном варианте (МР ВЭМ), несмотря на серию грозных запретов и категоричных постановлений продолжал существовать.

Данный метод заслуживает того, чтобы сказать о нем особо. Элементы его в той или иной степени применялись в хозяйственной практике и раньше: на транспорте, в геологии, линейном

На пути к нефтегазодобывающей цивилизации (опыт историко-географической реконструкции)

строительстве и т.д. Издавна существовали сезонные работы, привычными были поездки на заработки жителей перенаселенных районов. Бригады шабашников, студенческие строительные отряды работали в сходном трудовом ритме. МР ВЭМ явился индустриальным воплощением своих «предшественников», адекватным именно ситуации интенсивного освоения. В подобном режиме вахтовики испытывали не только физические перегрузки. Резкая смена морально-психологического климата воздействовала на них не меньше, чем смена природно-климатических зон. Методы, подобные МР ВЭМ, называют нетрадиционными, и это достаточно точно отражает не только специфику организации труда, но и формы его регуляции. Традиция как хранитель и транслятор нравственного опыта работает здесь «на излом». Некоторые нормы оказываются изъятными из порождающих типичных ситуаций; жизнь вахтовиков протекает с определенным фазовым сдвигом относительно параметров социальной динамики как по месту жительства, так и по месту приложения труда. Длительное поддержание подобного ритма жизнедеятельности требует выработки особых форм регуляции поведения, общения, трудовых и бытовых взаимоотношений. Они отличаются высоким динамизмом, в большей степени индивидуализированы, чем у постоянных работников. Вахтовики превращаются в «летающую корпорацию» со специфическими приемами «социальной сборки» и «демонтажа», особым кодексом неагрессивного противостояния общественному мнению и социальному контролю. Когда в середине 1980-х гг. вахтово-экспедиционный метод достиг своего апогея, это было уже не кочевничество и не странничество, и даже не обустройство. Возник новый канал социальной коммуникации между Тюменской областью и всей страной. По нему циркулировала рабочая сила и одновременно происходил обмен социальным и нравственным опытом. То есть можно говорить о своеобразном динамичном канале взаимообмена между субкультурами различной степени мобильности, что является еще одним моментом в формировании особого духа Тюменской нефтегазодобывающей цивилизации.

Теперь обратимся к географического аспекту, связанному с эволюцией структуры расселения региона. На рисунке расселения так или иначе отразились все предшествующие цивилизационные волны. И хотя соледобывающая и горнозаводская волны не пересекли нынешнюю границу Тюменской области, а только подступили к ней, они, тем не менее, спроецировали на территорию общие направления дальнейшего освоения и конфигурацию расселенческих локусов. Впоследствии эти локусы были «пронизаны» маршрутами пушной цивилизации.

Мы уже рассматривали на страницах «Вестника...» современную структуру расселения Тюменской области [Ганопольский и др., 2010]. Поэтому ограничимся кратким комментарием к опубликованным материалам, добавив к нему некоторые новые результаты. Данная структура включает в себя опорный каркас расселения (ОКР), объединяющий города — центры нефтегазодобычи и опорно-тыловые объекты юга области. В топологическом отношении каркас представляет собой Z-образную древовидную структуру с более или менее разветвленными участками на юге области и в Среднем Приобье, а также участки фрагментарного развития: участок вокруг городов Нягани и Югорска, линейный элемент у Салехарда и Лабытнанги, транспортная ветвь к рабочему поселку Междуреченский.

Сложившаяся структура сформировалась как результат взаимодействия доиндустриальных цивилизационных волн и нового индустриального освоения периода нефтегазодобычи. Можно выделить по крайней мере три основных способа такого взаимодействия: *подавление, преемственность, компромисс*. Так, основной костяк каркасной структуры сформировался в период нового индустриального освоения путем *подавления* очаговых, дисперсных и иных доиндустриальных форм расселения. Наиболее разветвленные участки развивались как результат *преемственности* при смене схем освоения. А участки фрагментарного развития имеют в своей основе доиндустриальную схему с различной степенью последующего индустриального влияния.

Кроме основного каркаса и его дериватов, в структуру расселения входят относительно автономные расселенческие кластеры. Один из них представлен населенными пунктами, тяготеющими к сети магистрального транспорта нефти и газа. Его автономность обусловлена не только особенностями заселения этих мест, но и спецификой территориальной организации транспортной сети. Основной принцип ее развития в момент начала разработки нефтяных и газовых месторождений исходил из логики централизованного управления народным хозяйством и сложившейся специализации экономических районов страны. Считалось, что предприятия по подготовке и переработке углеводородного сырья должны быть сосредоточены в местах его массового потребления (те же, как известно, были удалены от мест добычи на тысячи

километров). Кроме того, существенным в этой стратегии был экспорт нефти и газа за пределы страны. Потребовалось ускоренное сооружение сверхдальних нефте- и газопроводов, которые и по сей день определяют конфигурацию сети магистрального трубопроводного транспорта России и стран СНГ.

Транспортные артерии нефти и газа, берущие начало на тюменских месторождениях, стали неотъемлемой чертой цивилизационного ландшафта области, поскольку значительная часть их русла проходит по ее территории. Однако с точки зрения организующего воздействия на региональную систему расселения наиболее значимы наземные объекты транспортной сети. Это прежде всего нефтеперекачивающие и газокomppressorные станции (НПС и КС).

Масштабная разветвленная сеть магистральных трубопроводов и привязанная к ней многочисленная, рассредоточенная по территории области совокупность обслуживающих населенных пунктов по-настоящему уникальны. И хотя здесь, если не считать крупных городов, проживает менее 10 % населения области, а в административно-территориальном, экономико-географическом, коммуникативном и других отношениях эти населенные пункты порой предстают как несвязанные, интегрирующая роль данного кластера несомненна. В составе разветвленной структуры транспорта-расселения он не просто объединил отдельные рисунки расселения в общую картину, отвечающую задачам комплексного развития территории, но и сделал нечто большее: придал этой картине ожидаемое жанровое своеобразие — портрета нефтегазодобывающей цивилизации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баньковский Л.В. Сад XVIII века. Соликамск, 2004. 202 с.

Ганопольский М.Г., Федоров Р.Ю., Цибульский В.Р., Литенкова С.П. Социокультурное пространство Тюменской области: Опыт структурно-коммуникативного анализа // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. № 1 (12). С. 202–208.

Горнозаводские центры и аграрная среда в России: Взаимодействия и противоречия. М.: Наука, 2000. 261 с.

Согомонов Ю.В. Метафизика регионализма // Тюмень в процессе формирования новой региональной политики. М.; Тюмень, 1994. 146 с.

Чаадаев П.Я. Отрывки и разные мысли // Полн. собр. соч. и избр. письма: В 2 т. М., 1991. Т. 1. 798 с.

*Тюмень, ИПОС СО РАН
gmichalg@mail.ru

**Тюменский научный центр СО РАН
r_fedorov@mail.ru

Formation of Tyumen Region as an object of oil and gas civilization is presented not only as a result of new industrial development, but also as an outcome of preceding civilization waves, namely, salt extraction, production of furs, and mining industry. The basis of the suggested approach being a retrospective analysis of organizational and industrial forms of colonization and corresponding settlement structures, making a civilization landscape.

Development of the Urals and Siberia, salt extraction, production of furs, mining civilization, colonization routes, settlement reference frame, civilization landscape.